

ЛЮБОВЬ ПЕСЦОВА

МАРИОНЕТКА
черного
КОЛДУНА

Любовь Песцова

Марионетка Черного колдуна

«Автор»

2026

Песцова Л.

Марионетка Черного колдуна / Л. Песцова — «Автор», 2026

Я добровольно продала себя в рабство черному колдуну, о котором слышала столько страшных историй в детстве. Из его заколдованного леса никто не возвращается, а своих слуг он убивает, чтобы продлить свою жизнь. Но чтобы спасти себя и свою семью, мне, простой девушке без магии, нужно продержаться в его замке достаточно, чтобы завоевать его доверие и понять, как снова стать свободной.

© Песцова Л., 2026

© Автор, 2026

Любовь Песцова

Марионетка Черного колдуна

Глава 1. Заколдованный лес

Моя жизнь окончилась, не успев начаться.

Я это знала.

Моя мать это знала.

Крестьянин, проезжающий мимо на скрипучей телеге и смачно сплюнувший в грязь, это знал.

Разница была в том, что только крестьянину было на это не наплевать.

Шмыгнув носом и уняв дрожь в коленях, я направилась к первым кронам Заубвальта. Этот лес именовали «темным», «черным», «страшным». Но все сходились в одном – он был заколдован. И всем, кто не желал расстаться с жизнью, следовало держаться от него подальше.

«Те, кто ступают на его тропы, обратно не возвращаются», – вспомнила я слова страшной сказки, которую рассказывала мне в детстве нянюшка.

Если мне удастся протянуть год, это уже будет чудом, а о большем и мечтать нельзя.

— Эй, девка ты чавой творишь-то? — Подал голос тот самый крестьянин. — Удумала невесть что. Не знаешь, что там сгинуть легче легкого?

Слова человека, на которого еще пару месяцев назад я бы даже не обратила внимания, снова заставили все внутри сжаться. Даже смешно, что мой извозчик скрылся, как только мои туфельки коснулись дорожной пыли, а этот лезет непонятно зачем.

— У нас бабы тоже приходят посмотреть, поохают, да и идут домой подобру-поздорову. Оно и понятно, нервишки-то пощекотать все горазд. А ты, видать, что-то дурное удумала. Молодая ведь еще совсем. И зачем погибель свою ищешь?

— А я блаженная.

Огрызнувшись, я гордо вскинула голову и пошла вперед, быстро поравнявшись с первым рядом густо растущих деревьев. Не знаю, сколько бы я еще решалась и решилась бы на это вообще, если бы не беспардонность крестьянина.

— А тебе какое дело, куда я направляюсь? Может я могущественная ведьма, откуда он знает?

Я бубнила себе под нос, чтобы не задумываться о том, что делаю, и куда несут меня ноги. Причитания крестьянина, которые летели в спину, стихли как-то мгновенно, как и все остальные звуки. Стоило отойти от опушки на десять шагов, и лес схлопнулся, словно капкан, поймавший очередную жертву.

Казалось, ветви ожили. Они извивались, подобно змеям, смыкались в единое полотно, не позволяя просочиться даже мысли о том, что кто-то может вырваться назад. Войти в лес могли все. Назад не пускали никого.

Легенды рассказывали о многом: снег посреди лета и зной среди зимы; мороки, сводящие с ума; Перхта, что прячет среди стаи гусей и поджидает путников; ужасные Кайринги, разрывающие на части путников.

Но главный страх любого живого существа — человека ли, мага, — Тени. Они были нашим ночным кошмаром. Их боялись все от мала до велика. Потому что если увидел Тень, она будет с тобой до конца жизни. Короткой и болезненной. Ее нельзя обхитрить, убить, откупиться. Только ждать, когда она заберет твою жизнь.

Эти то ли демоны, то ли воплощенные проклятия принимали облик человека. Точную копию того, кого им нужно было убить. Только двойник был злым, как будто человек смотрится в кривое зеркало. Они не причиняли вреда днем. Только неотрывно следили за своей жертвой

с жуткой улыбкой, сводя с ума. А вот ночью, стоило человеку задремать, Тень набрасывалась на жертву, выпивая из нее жизнь.

Нас спасало то, что Тени редко выходили за пределы леса. Считалось, что здесь их вотчина. Возможно, поэтому из Заубвальта никто не возвращался. Так считал некоторые. Но я была другого мнения.

Шаттенхард.

Имя, которое было связано с заколдованным лесом так же тесно, как легенды, нечисть и Тени, обитающие здесь. Именно он насыляет их на людей. Хозяин теней, властелин Заубвальта, черный колдун, держащий в страхе половину мира.

Его боялись, ненавидели, проклинали. Но неприступный лес, раскинувшийся на несколько государств, не позволял к нему подступиться.

Легенды гласили, что он принимает любого человека, попросившего его защиты и покровительства. Но цена оказывается слишком высока. Каждый, кто придет к его порогу, заключает контракт на вечное служение. И в жизни и в смерти он становится властен над несчастным. Но даже этого мало душегубу. Не проходит и года, как убивает он слугу своего, продлевая собственную жизнь этой жертвой.

Желающих у него поработать было немного. Конечно, отчаянные сорвиголовы пытались. Они входили в лес и больше никогда не возвращались обратно.

А теперь я сама стала той самой сумасшедшей, что добровольно идет навстречу своей смерти — заключать контракт с Шаттенхардом.

Не то чтобы у меня был особый выбор. За спиной не оставалось ничего, кроме разочарования. Отец погиб, спокойная жизнь сменилась заточением в тюрьму и долгим разбирательством, друзья отвернулись, а родственники оборвали с нами все связи. А теперь мне нужно было спасать остатки своей семьи. Пусть и ценой собственной жизни.

Я морально приготовилась к тому, что буду плутать не один день, преодолевая все возможные препятствия, о которых когда-либо читала в сказках. И каково же было удивление, когда после целого часа пути мне не встретилось ничего смертельно опасного или хотя бы зловещего. А может быть прошло и больше времени.

Кроны смыкались над головой, с трудом пропуская свет, поэтому определить точное время суток было сложно. День? Вечер? Сумерки?

Стараясь не думать об этом, я смотрела только на тропинку. Все как когда-то завещала моя нянюшка.

— Главное не сворачивай. Лиса, держись тропинки и все будет хорошо.

Постепенно удалось немного расслабиться, и я могла даже бросить несколько осторожных взглядов на окружающий меня лес. Он было почти обычным. Темнее, чем положено. Из-за этого было больше мха на деревьях и камнях. А еще легкий сизый туман клубился у самых корней. Но я ведь ожидала куда худшего.

А где болотные огни, ведущие путников прямо в трясину? Где желтые глаза Бильвиза, выглядывающие из ближайшего дупла?

Я чувствовала себя почти обманутой и если бы не мое плачевное положение, наверняка от души посмеялась бы над этой ситуацией. Зато в голову пришла мысль о том, что лес специально заманивает меня, ждет, когда я расслаблюсь.

Обернувшись, я попыталась взглянуть в мнимую опасность. Ее не было. Зато стоило мне сделать всего пару шагов к выходу из леса, свет начал меркнуть. Туман взметнулся, окутывая мои лодыжки, а по коже пробежал мороз.

Понятно. Раз вошла в лес, иди до конца. Назад он тебя все равно не отпустит.

Блуждать пришлось долго. В лесу царил почти вечный сумрак и понять, день сейчас или ночь не представлялось возможным. Но в итоге я все же достигла своей цели. Почти перед носом выросла стена. Черный камень тоже отчасти порос мхом и его было сложно разглядеть за плотно стоящими друг к другу деревьями.

Забор, ограждающий владения Шаттенхарда.

Прикинув высоту, я решила, что в жизни не перелезу и, вознеся хвалу Нерте*, сошла с тропинки. Удивительно, но даже после этого все обитающие в заколдованном лесу монстры не накинулись на меня. Осторожно, шаг за шагом я продолжила обходить забор. Хотя называть забором столь монументальное сооружение было почти кощунством. Тут скорее напрашивалась аналогия с крепостной стеной.

Обходить пришлось долго, почти час. Затрудняло дело то, что вместо удобной вытоптанной тропинки приходилось пробираться по непролазному лесу, обходить препятствия, иногда с силой продираться через густо растущие кусты. Но в итоге я смогла. Я вышла к огромным воротам.

Вздыхнула, и устала на них как тот самый баран.

На мой робкий стук никто не отреагировал. И на не очень робкий стук тоже. Я понятия не имела, что делать дальше. Мне казалось, что самым сложным будет пробраться к замку колдуна, а дальше все пойдет так, как должно. Он заключит со мной контракт. Должен заключить. Так ведь?

Увы, Шаттенхард не знал, что он кому-то что-то должен.

Сидеть «под дверью» пришлось долго. Я успела проголодаться, перекусить сухарями из своих не слишком обширных запасов. Посмотрела на вяленое мясо, но подумав, убрала его обратно. Мало ли, сколько здесь еще сидеть придется.

В какой-то момент что-то темное мелькнуло в кустах. Я замерла, боясь даже дышать. Помимо всех ужасов, которые рассказывали про этот лес, были и самые обычные опасности вроде диких зверей. И то, что я до сих пор их не встретила, мало о чем говорит. Может они специально мою бдительность усыпляли, чтобы сейчас всем скопом накинутся?

Но из кустов так ничего и не вышло, а бояться со временем надоело. Я удобно устроилась на собственной сумке, привалившись спиной к воротам, и начала клевать носом. Даже задремала ненадолго. По крайней мере, мне явно снился сон, где за мной наблюдают колдовские глаза, вспыхивающие ярким фиолетовым светом. Было неудобно и хотелось убежать, но проснуться не получалось.

Пробуждение вышло резким и слегка болезненным. Я упала. А все потому, что ворота, на которые я облакачивалась, открылись. Сами по себе, как бы приглашая пойти дальше. Сделать этот шаг самостоятельно, без принуждения.

Снова вернулся страх и желание убежать назад. Как бы хотелось вернуться домой, обнять отца, рассказать ему обо всех своих горестях и поплакать на его коленях. От этих мыслей на глаза снова навернулись слезы.

— Соберись, — приказала я себе. — Пути назад все равно уже нет, так что не будь тряпкой.

С этими словами я вступила во владения страшного и ужасного Шаттенхарда.

Черный колдун стоял у парадного входа. Он выглядел точно так же, как в сказках, рассказанных нянечкой. Высокая — намного выше человеческого роста, — фигура была закутала в темный плащ, а капюшон скрывал лицо. Кажется, по подолу плаща были вышиты какие-то символы, но я не вглядывалась. Было как-то не до чтения — сил хватало только на то, чтобы не убежать с криком ужаса.

— Кто ты? Что тебе нужно?

Грохочущий, вибрирующий голос прокатился по лесу, спугнув птиц на верхушках деревьев.

— Мое имя Лисэль Керн. Я пришла, чтобы служить вам, В-владыка.

Было непривычно произносить собственную фамилию без приставки «фон». А еще страшнее обращаться к Шаттенхарду «Владыка». На этом слове голос сорвался, позорно дав петуха. Но, кажется, колдун не посчитал это достаточным оскорблением для того, чтобы уничтожить меня на месте.

— Чего ты желаешь?

— Снять проклятие с себя и своей семьи.

Сердце забилося быстрее, хотя казалось, дальше уже некуда. Вот сейчас он скажет, что это невозможно. Посмеется надо мной, обманет. Просто убьет, не дожидаясь, когда за него это сделает проклятье.

— Что ты дашь взамен?

— Свою жизнь я посвящу служению вам, Владыка.

Второй раз это слово далось легче. Это немного обнадеживало. Возможно, когда-нибудь я даже посмотреть на него смогу. Хотя лучше бы этого не делать, конечно.

— Я принимаю твою жизнь, Лисэль Керн.

От всего диалога веяло дешевым театром, но таковы законы магии. Контракт с колдуном может заключить только тот, кто действительно этого хочет. И вербальные формулы при его составлении являются частью заклинания. Я знаю, я читала об этом в одной из книг Курта.

При мысли о нем сердце в очередной раз сжалось. Почти так же, как и при мысли о моем маленьком Вилли. Моем лучике солнца. Ради брата я готова была не только продать свою никчемную жизнь. Я бы сделала все, что угодно.

Шаттенхард не ждал, пока я закончу тосковать по прошлой жизни. Он колдовал. В глазах начало рябить, как будто вокруг кружился рой светлячков. А потом эти светлячки начали собираться в буквы. Это магия создавала мой контракт. И подписывать его нужно было кровью.

Как только свиток полностью проявился в этом мироздании, я достала нож из сумки и быстро, чтобы не было возможности передумать, ткнула лезвием палец. Зашипела, но все же подавила желание сунуть палец в рот.

Пергамент быстро впитывал алые капли, а я старалась не размазать трясущимися руками кровь по всему холсту. Буквы контракта постепенно пропитывались моей кровью, меняя свой окрас с желтого на красный. Со временем мне начало казаться, что это и есть план колдуна — убить меня таким образом. Выпить жизнь сразу же через контракт.

Голова начала кружиться, но убрать руку уже не получалось. Я попыталась поднять взгляд на Шаттенхарда, взглянуть, наконец, на его лицо, но увидела только тьму и два зловеще-фиолетовых глаза, прежде чем потерять сознание.

Очнулась я на каменном полу. Все тело болело, как будто меня знатно побили накануне. Учítывая, что я упала в обморок, и ловить меня, как делали рыцари в дамских романах, никто не соби́рался, мое состояние было легко объяснимо. Скорее удивление вызывал тот факт, что я еще жива.

С кряхтением поднявшись, я огляделась, и почти сразу же увидела Шаттенхарда. Стрельчатые окна на фоне подсказывали, что мы уже в его замке.

— Рассказывай.

Приказ прозвучал настолько властно и так пугающе, что послушаться я не посмела.

— Что вы хотите знать, Владыка?

В горле пересохло и голос скрипел, как плохо смазанная телега, но заикнуться о том, что мне нужно выпить воды, было бы чистейшим самоубийством.

— Как на тебя наложили проклятие?

— Не на меня. На отца. Это посмертное проклятие, которое пало на его семью. Меня, мою мать... моего брата. Отец был военным и погиб в стычке на границе. Через несколько дней сказали, что маг из его отряда наложил на него проклятие перед своей смертью.

Пару секунд колдун стоял неподвижно, как будто рассматривал меня, хотя нельзя было сказать точно, учитывая, что лица по-прежнему не было видно. Но ощущение, словно я голая, а меня препарируют, было.

А затем он рассмеялся. Громко и очень зловеще.

— Дальше, — приказал он.

— Посмертное проклятие нельзя снять доступными... доступными нам средствами. Здесь моя последняя надежда.

Это была чистая правда. Если бы была хоть какая-то возможность, Курт бы справился. Не отправил бы меня сюда. Но случилось так, как случилось.

— Это все?

Лица колдуна по-прежнему не было видно, но интонация была настолько осязаемой, что я мгновенно представила ироничное выражение лица с изогнутой бровью. Он не верил мне. Видел меня насквозь. Есть ли вообще смысл хоть что-то скрывать от него?

— Нет. Моего отца обвинили в измене. Моя семья потеряла все. Мне больше нет места в том мире.

Минута тишины, в которой было слышно лишь биение моего сердца.

— Хорошо. Я принимаю твою службу и освобожу тебя и твою семью от проклятия, как и было обещано. Завтра. А сейчас уйди.

— Да, Владыка, — склонилась я в глубоком поклоне, а потом поняла, что уйти отсюда я могу разве что в загробный мир. Ну или на улицу, что примерно одно и то же. — Прикажете уйти в лес?

Послышался тяжелый вздох. Это было первое проявление настоящих эмоций со стороны колдуна. Жаль, что они явно были не особо лестными для меня.

— Выбери любую комнату в левом крыле.

Глубоко поклонившись, так, что заломило поясницу, я попятилась к выходу, стараясь все также не смотреть прямо на Шаттенхарда, но и не выпускать его из вида. И только когда мне удалось скрыться за ближайшей стеной, я смогла выдохнуть и начать соображать. Теперь предстояло выяснить, где именно находится левое крыло и откуда именно оно должно быть левым.

В итоге выбора у меня было не так чтобы много. Большинство дверей просто не открывались, и пришлось идти туда, куда можно было. Я все же вышла в то самое левое крыло. Оно мало чем отличалось от остального замка. Тот же черный камень, узкие стрельчатые окна, которые чередуются с чем-то вроде бойниц. Хотя непонятно, от кого здесь обороняться?

На первом этаже было расположено несколько помещений, предназначение которых я не смогла определить. А вот на втором были спальни. В некоторые двери были закрыты, в другие открывались почти сами по себе, как будто приглашая зайти.

Впрочем, и выглядели комнаты отнюдь не пустующими. Полы блестели чистотой, а кровати были застелены свежим постельным бельем. То ли у колдуна есть полный штат прислуги, то ли порядок здесь поддерживается магией.

На минуту представила, сколько должно быть магии в существе, чтобы ежедневно обеспечивать чистоту в этом огромном замке, и снова стало страшно. Вдруг резко расхотелось занимать одну из комфортабельных спален.

Я понимала, что пути назад не было, но панические мысли продолжали лезть в голову. Что колдун потребует от меня? Как именно я буду ему служить? Вдруг он захочет мое тело?

От этой мысли передернуло. Захотелось домой и несколько раз помыться.

Еще раз осмотрев спальню передо мной, я закрыла двери и пошла бродить по левому крылу. Через полчаса мои поиски увенчались успехом. Почти под самой крышей я нашла помещение, которое в менее пугающих домах было принято именовать кладовкой. По крайней мере, здесь было собрано столько сломанной мебели, сколько может вместить одно просторное помещение.

Глупо с моей стороны. Если колдун захочет меня найти, он найдет меня и здесь. Вряд ли он прочешет спальни и на этом сдастся. Но психологически так было безопаснее.

Стараясь не шуметь, я проскользнула с дальний угол, скрывшись за грудой каких-то обломков, и устроилась на полу, поджав под себя ноги. Пришло время подводить итоги.

Я жива, и это уже главный плюс.

Колдун обещал снять проклятье с меня и моих родных. И это просто замечательно. Моя миссия уже не будет напрасной.

Из минусов было то, что я оказалась в замке Шаттенхарда, заключила с ним контракт, и в течение года должна буду умереть. Не от проклятия, а отдавая колдуну свою жизненную энергию.

Но срок в целых двенадцать лун казался таким долгим, что я чувствовала себя почти счастливой.

По крайней мере, здесь было однозначно лучше, чем в тюремной камере.

Кажется, только брата не арестовали после обвинений, выдвинутых против отца. И то Вилли избежал этого в силу его совсем уж юного возраста. Но жизнь при монастыре, в который его определили на время разбирательства, тоже не слишком похожа на сказку. Хорошо, что получилось его забрать оттуда, когда нас с мамой выпустили.

Вспомнив тюрьму, я поежилась. Сырой камень, который почти всегда блестит от влаги, набитый подгнившей соломой тюфяк. Гогот тюремщиков, их сальные взгляды, их отвратительные комментарии обо мне и моей одежде... Нет, все же Вилли при монастыре определенно было лучше. Хорошо, что удалось вытащить маму и забрать его оттуда. Жаль, что избавиться от угрозы не получилось. Но я надеялась, что пока их не тронут, что у меня еще есть время.

А еще была слабая надежда на то, что Курт сдержит слово и будет заботиться о моих родных. Хотя что он может против подобных противников?

В честь этого грустного праздника я все же решила съесть вяленое мясо из своих запасов и, стараясь не думать о жажде, заснула прямо посреди груды сломанной мебели.

Пробуждение вышло уже привычно жестким и болезненным. Шея затекла, а кости болели так, словно их от костей отрывают. Отчасти в этом было виновато проклятие, которое медленно разрушало мое тело. Но была и другая причина.

Напомнив себе, что сама виновата, и нужно было как нормальная ложиться в предоставленную кровать, я ощутила другую насущную потребность. Точнее, две. Но если уборную я видела на втором этаже, то вот вопрос, где взять питьевой воды, оставался открытым.

Было боязно выходить из своего укрытия, но проклятие до сих пор оставалось при мне, о чем красноречиво говорило мое плачевное состояние, а значит, как минимум один раз встретиться с колдуном еще придется. Напомнив себе об этом, я отправилась второй раз изучать замок.

Как и думала, вопрос с туалетом решился быстро. А вот насчет остального было непонятно. Пить хотелось все сильнее, и я начала жалеть, что вчера после вяленого мяса опустошила флягу. Нужно было оставить на утро хотя бы пару глотков.

Конечно, всегда можно было выйти на улицу и поискать какой-нибудь ручей, но было страшно. И того, что колдун разозлится, и самого ручья в заколдованном лесу. А вдруг сказки не врут, и пить воду в этом месте опасно?

Я около получаса бродила по первому этажу мрачного замка, дергая ручки закрытых дверей. В итоге мне повезло. Я поняла, что кухня рядом еще до того, как зашла в это помещение. В воздухе неуловимо повеяло домашним уютом — свежесдобитым хлебом и молоком.

В голове с трудом укладывалась картина, в которой Шаттенхард мог бы организовать подобный перекус. В моем воображении он питался исключительно младенцами и девственницами. Так что откуда в замке такие запахи, было сложно представить. Но мой желудок выдал такую траурную трель, что сопротивляться оказалось невозможно. Я пошла на запах и вскоре действительно нашла просторную кухню.

Вот только впервые с тех пор, как колдун разрешил мне уйти, я не была одна в этом замке. На кухне уже кто-то сидел.

Примечание автора:

*** Нерта – богиня плодородия и всего живого**

Глава 2. Ученик колдуна

На кухне кто-то сидел. Не просто сидел, этот кто-то с аппетитом уплетал бутерброд с вареньем такого размера, что возникали сомнения о том, как это все поместится в обычный человеческий рот.

Прямо на кухонной тумбе восседал достаточно молодой парень. Светлые непослушные волосы почти закрывали глаза, но все равно было заметно, что передо мной ровесник. Ну максимум на пару лет старше. Хотя этот белоснежный цвет можно было легко принять за седину, брови и ресницы оставались черными, выдавая истинный возраст.

Он был так увлечен бутербродом, периодически слизывая капли варенья с кончиков пальцев, что даже не обратил внимания на мое появление.

— Ты кто?

Этот вопрос вырвался у меня сам собой и вызвал приступ интенсивного кашля у поедателя варенья. То ли он не ожидал здесь никого увидеть, то ли боялся, что его накажут за то, что он уплетает хозяйские сладости.

— Шайс*! — выругался парень. — Я и забыл, что ты здесь.

— Что?

— Я говорю: забыл, что вчера кто-то пришел. У нас давно не было новеньких.

Он моментально отложил свой бутерброд и прыгнул со столешницы, подходя поближе. Черные штаны и рубаха облегали тело достаточно, чтобы понять, что передо мной не крестьянин. Худощавое, изящное телосложение подсказывало, что этот человек вряд ли занимался тяжелым физическим трудом. По крайней мере, я никогда не видела конюхов с такими запястьями. И на воина он тоже не подходил — выглядел слишком хилым, несмотря на достаточно широкий размах плеч.

Зато роста Боги ему не пожалели. Чтобы посмотреть в его глаза, нужно было запрокинуть голову.

— А ты... Местный слуга? — предположила я.

— Вот еще, — надул губы незнакомец, — я вообще-то ученик колдуна.

Было произнесено с такой гордостью, словно он не собирался своей жизнью подпитывать Шаттенхарда и сгинуть уже через год. Может меньше.

— Аа. Понятно.

— Меня зовут Леон.

— Лисэль. — представилась я. — Можно Лиса.

— Вареньем делиться не буду, и не мечтай, — сразу обозначил он, подмигнув.

Я так и не поняла, шутка это была или нет. И если шутка, то в чем заключался ее смысл?

— Я и не претендовала. Варенье можешь оставить себе. А вода здесь есть? Ей поделишься?

— А, ну этого добра навалом. Вон раковина, пей сколько влезет.

Глянув на другую сторону комнаты, я заметила массивный каменный умывальник с монументальным краном. Удивительно. Водопровод могли позволить себе только самые зажиточные люди столицы. А здесь, посреди леса есть все достижения цивилизации. Конечно, я уже мельком видела ванную в уборной, но наивно подумала, что наполняют ее по старинке — таскают ведра с водой.

Набрав воды, я уже хотела осушить стакан в один присест, но остановила себя в последнюю секунду и, сглотнув вязкую слюну, спросила:

— Не отравлено?

Ученик колдуна, который вернулся к поеданию варенья, подавился и снова начал надрывно кашлять. Ну я ведь не изверг, я помогла. Постучала по спине. Правда, после этого он начал кашлять еще сильнее. Видимо, не ожидал от меня такого сочувствия.

— Ты сдурела? — спросил он, восстановив дыхание.

— Мало ли.

Воду я все же выпила, потому что терпеть дальше было уже невозможно. Стало легче. На пару минут. А потом я вспомнила, что мне нужно не только пить, но и есть.

— Ну слава Мирозданию, пить начала. Значит, минимум месяц протянешь, — заявил Леон, вглядываясь в остатки варенья на дне банки, как будто прикидывая, съесть еще или оставить на потом.

— П-почему месяц?

— Ну если ты помимо воды еще что-то употреблять начнешь, вроде еды, то срок существенно увеличится.

— Я не собиралась объявлять голодовку, — обиженно буркнула я.

— А вдруг тут все отравлено? — поддел парень, все же решившийся на еще один бутерброд с вареньем.

— А что мне было думать! Это же логово Шаттенхарда!

Как-то незаметно я начала разговаривать с ним не как с учеником самого пугающего колдуна в мире, а как с обычным ровесником. Так я могла общаться с приятелями в академии, или с мальчишками, с которыми играла в детстве.

— И поэтому он должен отравить все, до чего дотянется? — фыркнул Леон. — Немного мелочно для колдуна такого масштаба, не находишь?

— Тебе лучше знать, что для него мелочно, а что нет.

И снова, как-то само собой оказалось, что мы уже общаемся неформально. Но этого голубоглазого парня с непослушными вихрами на голове невозможно было воспринимать как врага. Хотя он им почти являлся.

— А ты меня не убьешь, если я все же решу что-нибудь съесть? — спросила я с улыбкой на всякий случай. — Или мне нужно добывать пропитание самостоятельно? Ну там на зайцев охотится, птиц отстреливать.

— А ты умеешь?

Хитрая улыбка подразумевала, что в моих навыках охотника очень сильно сомневаются.

— Бери все что хочешь, — милостиво разрешил ученик колдуна, и поспешил добавить. — Кроме варенья, оно мое.

Отказываться я не собиралась, стесняться тоже. Быстро обыскав кухню, я нашла приличный запас самых разных продуктов, вполне современный магический кухонный шкаф, где постоянно поддерживалась нужная температура. А еще дверь в погреб, в котором и вовсе можно было выдержать осаду. С полотка свисали связки колбас, на крюк был подвешен копченый окорок, по стенам были развешены связки лука и чеснока. В общем, голодная смерть мне здесь не грозила.

— В замке проживает много людей?

Логичный вопрос, учитывая количество запасов.

— Ты и я, — ответил Леон.

— Что?!

Я едва не подавилась молоком. Было бы очень обидно умереть в логове черного колдуна от такой банальной причины как удушье.

— Но здесь продуктов минимум на сотню человек.

— Они под статистом, — снисходительно пояснил Леон.

Какое расточительство! Подумать только, тратить магию на такую ерунду!

Я ничего не могла с собой поделать, возмущение накрывало с головой. Я вспоминала Курта, который берег силы для чего-то действительно стоящего. Если бы он мог использовать магию так же безгранично, как Шаттенхард, может быть, он смог бы вылечить свою мать. Или помог бы мне доказать, что отец не виновен в измене.

Увы, магов рождалось очень мало. С каждым поколением все меньше. И их силы тоже были ограничены. Все, у кого находили хоть малейшие способности к магии, воспитывались в школах при ордере Нуаду*, со временем становясь его членами. Это было очень почетно. Эти люди были элитой, наравне с аристократами. Они разрабатывали передовые технологии, вроде тех же холодильных шкафов, они создавали системы защиты, не позволяющие монстрам Заубвальта хозяйничать в городах. В общем, были максимально полезными членами общества. И очень почитаемыми. Конечно, у них была своя градация, но тогда я даже не подозревала об этом.

Каково же было мое удивление, когда в конце первого курса за мной начал ухаживать маг! Нельзя сказать, что они были редкими гостями в наших стенах. Дом ордена Нуаду располагался относительно близко, и они посещали некоторые общеобразовательные лекции. Но маги обычно никогда не заводили отношения с обычными людьми. Только между собой. Исключения бывали, но настолько редко, что это обсуждалось почти так же, как мезальянс маркиграфа фон Вебера с танцовщицей.

Мне завидовали все девушки нашего курса. А может быть, и всей академии. Как же! Красивый, широкоплечий Курт с темными кудрями, аккуратной бородкой, одетый в неизменную белую форму. Он был воплощенной девичьей мечтой. На его фоне меркли даже курсанты военной академии.

Иногда маги сочетались браком с обычными людьми, но в основном с высшей аристократией. И зачастую такие браки были бесплодны. Дети либо не рождались вообще, либо умирали до десяти лет. Так что заключались подобные союзы исключительно как сделки для объединения земель или достижения политических целей.

А моя семья хоть и носила ранее приставку «фон» перед фамилией, своей землей не обладала и даже особых связей не имела. Собственно, все, что отделяло нас от обычных зажиточных горожан – титул риттера*, присвоенный моему предку за военные заслуги.

Ну что ж, теперь не осталось и этого.

— Не думал, что ты такая ханжа, — хмыкнул Леон, оценив мою задумчивость. — Шаттенхард может себе позволить тратить свою силу так, как он пожелает. Или ты хотела, чтобы весь свой запас он пускал исключительно на убийство младенцев?

— Я ничего такого не имела... Почему ты его защищаешь?

— А почему нет? Кто-то же должен.

Это не укладывалось у меня в голове. Ученик колдуна, который буквально должен отдать свою жизнь за то, чтобы его учитель продолжал бесчинствовать, становится на защиту своего мучителя.

— Как ты сюда вообще попал?

Леон был слишком... светлым для этого места. Даже шапочное знакомство давало понять, что этот парень, готовый увидеть что-то хорошее в абсолютном зле, не вписывается в окружающий ландшафт.

— А ты как сюда попала?

Я нахмурилась. Его хитрая улыбка, с которой он задавал этот вопрос, совсем не способствовала к откровенности. Скорее, это была провокация. Вывернешь ли ты свою душу наизнанку перед незнакомцем?

— Были... обстоятельства, — сказала я уклончиво.

— Вот и у меня, — вздохнул он, — обстоятельства.

Спрашивать расхотелось. Не по доброй воле этот парень пришел в Черный замок. Наверняка, точно так же как и я стоял у кромки леса, не решаясь сделать последний, судьбоносный шаг в Заубвальт.

— И как здесь?

Не знаю, что именно я хотела узнать. Вопрос был настолько абстрактным, насколько мог им стать. Но Леон, кажется, понял.

— Бывало лучше, но в целом жить можно, — вынес он вердикт, а затем, наконец, отложил варенье и поднялся, снова напомнив о значительно разнице в росте. — Пойдем, проведу тебе экскурсию.

Замок впечатлял. Он был огромным, мрачным, и на удивление ухоженным. Скорее всего, неиспользуемые помещения поддерживались в таком же стазисе, что и окорок в погребе. По крайней мере, прислуги я здесь не увидела. Да и слова Леона о том, что из людей здесь только мы двое, намекали на отсутствие горничных. Ну только если Шаттенхард не использовал в качестве персонала нечисть. А ведь мог бы.

В итоге экскурсия скорее была уроком о том, куда можно ходить, а куда не стоит. На удивление, разрешенных комнат оказалось очень много. Нельзя было спускаться в подвал. Нельзя было заходить в башню западного крыла. Нельзя было посещать библиотеку. Зато Леон согласился принести мне книги для легкого чтения... Если таковые найдутся у колдуна.

Остальной замок был в моем распоряжении. Ну почти. По крайней мере, я могла свободно перемещаться, не опасаясь, что меня испепелят на месте. Это не могло не радовать. Но и настораживало тоже.

Слишком уж миролюбивым пока представлял Шаттенхард. Что он потребует от меня в итоге? Ответа не было и это пугало.

— На этом все, ваш покорный слуга удаляется, — шутливо раскланялся Леон, — Мне еще из ушей глаза выковыривать сегодня.

— Ты серьезно?

— Нет. Но посмотреть на то, как тебя передергивает от отвращения было забавно. Кстати, советую тебе ждать колдуна в малой гостиной. Там и книги есть, если что. Не знаю, насколько они тебе понравятся, но время точно будет чем занять.

Сопротивляться я не видела смысла, да и не хотела. На данный момент встреча с колдуном нужна в первую очередь мне. Поэтому я выполнила рекомендации парня в точности. Про себя я уже начала называть его Лео. Слишком уж непосредственным и смешливым он был.

Поймав себя на этой мысли, я сразу же одернула себя. Это не игры с ребятами во дворе! Это замок колдуна, где каждый день может стать последним. Как для меня, так и для Леона. И привязываться к кому-то в таких условиях было не очень хорошей идеей. Наверняка у этого парня были свои причины заключить контракт с Шаттенхардом. И он заплатит свою цену. Как и я.

Книги у колдуна были специфическими. Разумеется, ни о каких романах речи не шло. Но мне удалось найти литературу по душе. Трактат по алхимии, который я раньше не видела на полках книжных магазинов, впечатлял объемом полезной информации. Я углубилась в

него настолько, что потеряла счет времени. Только когда повеяло холодом, а кожа покрылась мурашками, я поняла, что, скорее всего, уже не одна в комнате.

Поняв взгляд, я натолкнулась на ту же пугающую фигуру в плаще и капюшоне, что видела вчера. Колдун по-прежнему не показывал лица. Под капюшоном клубилась тьма и единственное, что можно было разобрать, что глаза, горевшие фиолетовым огнем.

— Подойди.

Приказ, которого нельзя послушаться и невозможно подчиниться. При одном взгляде на Шаттенхарда колени начинали дрожать так, что каждый шаг казался подвигом. Но я все же смогла встать и подойти к нему. На чистом упрямстве. Или это страх активизировал скрытые резервы организма, как знать.

Я остановилась в двух шагах от колдуна. Ближе подойти не могла. Но меня не спрашивали.

Шаттенхард схватил меня за запястье, рывком притянув к себе. Воздух застрял в легких, а глаза расширились от ужаса. Казалось, что это и есть моя смерть. Быстрая и бесславная. Но секунды шли, а я оставалась живее всех живых. Наконец, получилось сделать вдох.

Колдун пах костром. Не тем, который разжигают на пикнике с друзьями. Он пах костром, на котором горят грешники.

А еще он завораживал. Если вчера я не смела поднять взгляд, то сегодня не могла отвести его в сторону. Фиолетовые глаза гипнотизировали. Подавляли, выворачивали душу наизнанку. Хотя о чем это я. Моя душа и так уже принадлежит ему по контракту.

— Сейчас ты отправишься к своим родным.

Голос колдуна звучал как будто из другой комнаты. Или это я снова решила потерять сознание? Очень не вовремя, Лиса!

— Что?

— Тебе нужно будет поддерживать физический контакт с каждым из тех, на кого наложено проклятие минимум десять секунд. На все даю тебе четверть часа.

Я не успела ничего сообразить, вникнуть в смысл его слов или осознать, что ужасный Шаттенхард кажется, действительно собирался снять проклятие с меня и моей семьи. Я просто оказалась посреди пыльной и бедно обставленной комнаты, и увидела тех, с кем уже однажды попрощалась навсегда — маму и брата.

Первым меня заметил Вилли. Он сидел на одной из двух кроватей и сжимал деревянную фигурку коня. Дешевая поделка, которая продается на местном рынке за копейки. Это я оставила ему игрушку перед уходом. Все наше имущество конфисковали перед тем, как бросить в тюрьму, а когда выпустили, оказалось, что возвращать ничего не будут. И детские игрушки тоже были имуществом. Я знала, что не стоит тратить на это и без того быстро тающие деньги, которые появились у меня только благодаря Курту. Но в то же время я понимала — когда я уйду, с братом уже никто не будет играть.

— Лиса!!!

Радостный визг преобразил заплаканное личико, а через секунду Вилли стрелой мчался ко мне, чтобы крепко сжать в объятиях, уткнувшись носом мне в живот.

— Я знал, что ты вернешься! Ты ведь навсегда, правда? Ты больше не бросишь меня? Лиса, оставайся. Я тебе свою кровать уступлю, а сам на сундуке спать буду. Мне удобно, честно-честно, я уже пробовал!

Слова застряли в горле и все силы уходили на то, чтобы не расплакаться. Да, комнату изначально сняли только на двоих. Зачем платить больше, если моя судьба к тому моменту уже была предreshена? Мама решила, что это рационально.

— Ах ты негодная девчонка!

Визгливый голос принадлежал моей матери, которая проснулась от причитания Вилли.

— Как ты посмела вернуться! Ты должна была снять с нас проклятие! Сейчас же иди назад! Как ты смеешь так поступать со мной? Со своим братом?

— Мама, я...

Меня прервала звонкая пощечина. Мама влепила ее сразу же, как только смогла приблизиться на достаточное расстояние для удара. Мои оправдания она точно слушать не собиралась.

— Я не буду кормить еще один рот, так и знай! Если бы не была так эгоистична, то сделала бы все, чтобы спасти свою семью!

Ее не волновало, что для этого мне фактически пришлось продать себя в рабство. Обречь на скорую смерть в замке колдуна. Похоже, ей даже один раз увидеть свою внезапно воскресшую дочь было противно.

— Я пришла снять проклятие.

Мне все же удалось вставить это короткое предложение. И даже голос не дрогнул и не сорвался. Я могла гордиться собой за это.

— Так чего же ты ждешь?

Больше не говоря ни слова, я взяла маму за руку, как сказал колдун. Должно было хватить десяти секунд. Я решила выждать подольше. Вилли так и вовсе продолжал меня обнимать, как будто боялся, что если отпустит, то я исчезну. Впрочем, он был прав.

— Мама, можно Лиса останется?

Ее лицо смягчилось, как происходило каждый раз, когда она смотрела на сына. За любовь к нему я готова была простить маме многое. Даже нелюбовь ко мне.

В детстве было обидно, а сейчас скорее привычно. Я даже какое-то время думала, что не ее родная дочь, а отец нагулял меня на стороне, поэтому она так относится ко мне. Это позволило бы оправдать маму и продолжить любить ее. Увы, такая теория продержалась недолго. До того момента, как я не начала превращаться из нескладного ребенка в девушку. Тогда мое сходство с матерью стало настолько очевидным, что отрицать его стало невозможным. Каштановые вьющиеся волосы, серые глаза, вздернутый нос, невысокий рост, даже родимое пятно на запястье — все это я унаследовала от нее. От отца мне досталась, пожалуй, только угловатость — острый подбородок и отсутствие выдающихся женских форм.

Я была практически копией ее портрета в юности. И от этого было вдвойне обиднее.

— А говорили, из Заубвальта не возвращаются.

Мама была рада, что у меня получилось выполнить свою миссию, но не могла не смолчать. Она была недовольна в любых вопросах, которые касались меня. Если я отказывалась музицировать или делала успехи в музыке. Если я надевала голубое платье, или розовое, желтое, зеленое... Она всегда находила повод для критики. Даже сейчас, когда я избавила ее от неминуемой смерти.

А в том, что проклятие действительно удалось снять, я уже не сомневалась. Если бы Шаттенхард дал мне больше времени на осмысление, я бы поняла, что свинцовая усталость последних недель ушла, дышать стало легче, а тошнота, мучившая меня с того самого дня, как принесли вести о кончине отца, отступила. И сейчас я видела, как светлеют синие круги под глазами мамы, разглаживаются морщинки на некогда идеально холеном лице. Чего магия Шаттенхарда не могла убрать, так это легкий запах алкоголя, исходивший от моей матери.

— Я ненадолго. Через несколько минут мне нужно будет вернуться.

— Так ты действительно добралась до логова колдуна? И как он? Ужасный? Он ведь тебя не обижает, правда?

— Не обижает, — вздохнула я, поморщившись от такого непосредственного любопытства.

— Он правда живет посреди леса?

— Да. У него там замок.

— Целый замок?!

Глаза мамы загорелись неподдельным интересом.

— А ты часто сможешь выбираться к нам? Лиса, ты обязана принести что-то ценное. Уверена, у колдуна гора богатств и он даже не заметит, если ты что-то возьмешь себе на память. Ты ведь знаешь как нам сейчас тяжело.

Я еще раз вздохнула. В этом была вся Амелинда Керн. Не могла не попробовать извлечь выгоду из любой ситуации.

— Я больше не вернусь.

— Нет!

Вилли, который и так не отлипал от меня, сжал еще сильнее. По чумазому детскому личику покатались крупные слезы. А я чувствовала, как утекают последние минуты наедине с семьей. Меня начинало что-то тянуть обратно. Пока не сильно, но ощутимо.

Я аккуратно отстранила брата от себя и присела, оказавшись с ним на одном уровне.

— Вильгельм Керн, ты помнишь, что я сказала тебе, когда уходила в прошлый раз?

— Что я должен быть сильным.

— Да, мой маленький Вилли. Ты должен вырасти очень сильным, здоровым, смелым. А главное — счастливым. Не печалься, что мы не сможем видеться так часто, как хотели бы. Я буду думать о тебе каждый день.

— Обещаешь?

— Конечно, — я потрепала его по каштановой макушке.

— Я тоже буду думать о тебе каждый день.

— Я люблю тебя, Вилли. Вырасти хорошим человеком.

Последнее что я увидела перед тем, как меня окончательно затянуло во тьму — заплаканные глаза брата.

Вернулась я так же внезапно, как и исчезла. Я находилась в том же зале, в котором провела большую часть дня. Меня трясло. Не потому что я плохо себя чувствовала из-за проклятия. Его как раз уже не было. Но второе расставание далось мне даже труднее, чем первое. Невыплаканные слезы рвались наружу, и пока что меня останавливало только то, что Шаттенхард все еще был рядом и смотрел на меня. Было странно так говорить о человеке без лица, но я знала, что он изучает меня.

— Какие интересные у тебя отношения с семьей. И ради них ты загубила свою жизнь?

— На мне тоже было проклятие, — напомнила я.

— А на твоей матери? Почему же она не пришла сюда вместо своей дочери?

Каким чудом мне удавалось все еще держать голову высоко поднятой, только Огма* знает. Поджилки тряслись. Не из-за его жестоких слов о моей матери. Они и раньше приходили мне в голову и уже не ранили так сильно. Но было страшно... вдруг он догадался?

— А ты интересная, Лисэль Керн, — выдал колдун, когда понял, что отвечать на его провокацию я не собираюсь. — Неужели не хочется отомстить матери?

— Нет.

— И не хочется узнать, почему она так тебя ненавидит?

Голос завлекал, искушал, призывал забыть о привязанностях. А еще Шаттенхард явно наслаждался моим страхом.

— Не хочется. Это уже не имеет значения, Владыка.

Он резко, неуловимым глазу рывком оказался возле меня. Рука, затянутая в черную кожаную перчатку обхватила мой подбородок, приподнимая его выше к источнику света.

Я перестала дышать, но не смела закрыть глаза. Сверху на меня смотрели два фиолетовых огня, и я знала, что если отведу взгляд, будет хуже.

— Ты врешь. Ради брата и матери, которая тебя не любит, ты продала себя. Не думала о том, какова окажется цена за мою помощь?

Он был слишком близко. Меня начало трясти сильнее, а в горле встал болезненный ком.
— И даже после этого ты все равно не поинтересуешься, что за мать отправляет свою дочь в лапы чудовища?

— Нет, — выдавила я тихий ответ.

Несколько секунд фиолетовые глаза еще продолжали изучать меня, а пальцы все так же цепко сжимали подбородок. Но затем он отпустил меня и уже через секунду, фигуру колдуна заволокло тьмой. Он исчез. Отправился по каким-то своим делам, потеряв интерес к упрямой девчонке.

А я рухнула на пол, больно ударившись коленями, и не могла унять дрожь еще по меньшей мере четверть часа. Только поднявшись обратно на свой чердак, я смогла немного успокоиться.

Главное, что Шаттенхард не раскрыл меня сразу же. Остальное уже не так страшно. И его слова о моей семье не особо расстраивали. Сейчас мне было почти плевать на нападки и несправедливые упреки своей матери. Зацикливаться на таком нужно не тогда, когда им с Вилли угрожает смертельная опасность.

Они там, на свободе, и уже без проклятия... Но в заложниках у ордена Нуаду. Могущественной и разветвленной структуры, которая сосредоточила в своих руках больше власти, чем король. И чтобы выкупить их жизни, мне придется сделать то, чего не делал до меня ни один человек. Уничтожить самого Шаттенхарда.

Примечание автора:

***Шайс – местное ругательство, наиболее близкий аналог выражению «дерьмо»**

***Риттер – рыцарь, формально обладающий дворянским титулом**

***Нуаду – верховный Бог**

***Огма – верховная Богиня, жена Нуаду**

Глава 3. Черный замок

Убить колдуна... проще сказать, чем сделать. Да, цель у меня была, но размытые сроки позволяли хоть немного оттягивать судьбоносный момент. Пока же у меня были и более насущные проблемы, чем борьба с всемирным злом.

Вторая ночь на том же просторном складе сломанной мебели, как я про себя прозвала свое место обитание, прошла на удивление неплохо. Хотя в целом «чердак» выглядел так же. Нужно было спуститься и выбрать себе нормальную комнату. Попытка прятаться здесь была очень глупой и скорее импульсивной.

Но пройдясь по роскошным комнатам готического замка, которые навевали мысли о страшных заколдованных артефактах, я решила отложить мысль о переезде, по крайней мере, до вечера. Тем более имелись вещи более первостепенной важности. Например, поиски места, где можно постирать одежду. Платье, в котором я провела эту ночь, было грязным. Платье, в котором я впервые пришла к колдуну, было очень грязным. А ничего больше у меня с собой не было. Это все, на что хватило денег, которые смог выделить мне Курт после того, как меня освободили из тюрьмы. Своих у меня уже не было.

После ареста все имущество конфисковали. Дом, лошадей, драгоценности и мой гардероб тоже. До последней булавки.

Представив, как какой-нибудь казначей отпарывает жемчуг с моего любимого розового муслина, в котором я открывала бал дебютанток, стало грустно. Но я быстро отогнала от себя эти мысли. Толку плакать над пролитым молоком? Эту жизнь уже не вернуть. По крайней мере, не в ближайшем будущем. Впрочем, скорее всего, никогда не вернуть.

Старейшина в ордене Нуаду обещал, что в случае успеха репутация моей семьи будет восстановлена, и даже титул могут вернуть. Но я слабо в это верила. Вспоминала пренебрежительные взгляды магов, глумливые улыбки, и любая надежда растворялась.

Меня отправили на эту самоубийственную миссию по одной причине. Меня не жалко. А еще за меня просто некому было заступиться.

Здесь было страшно. Но послушаться старейшин еще страшнее.

К тому же, если подумать, что такого ужасного произошло со мной в замке Шаттенхарда за два дня? Меня не пытали, не насиловали, не морили голодом, не заставляли спать на каменном полу. На это я обрекла себя самостоятельно, из чистого упрямства отказавшись заселяться в одну из многочисленных благоустроенных комнат. Более того, колдун снял с меня проклятие. И с моей семьи тоже. Да, мимоходом, как будто играючи. Это явно не потребовало от него много сил. Но он мог вообще этого не делать.

Конечно, контракт, который я с ним заключила, как бы предполагал снятие проклятия. Но я если бы Шаттенхард захотел обмануть, он бы нашел лазейку. В конце концов, сроки нигде указаны не были. И он мог бы тянуть до тех пор, пока я не ослабею настолько, что уже не захочу жить.

— Лиса, еще немного и ты решишь, что черный колдун — добрейший души человек.

Усмехнувшись своим мыслям, я принялась за стирку в мраморной ванной, использовать которую для таких простых бытовых вещей было почти кощунством. Жаль, что раньше я никогда ничем подобным не занималась. После моих попыток проникнуться профессией прачки, мое относительно чистое платье, которое было на мне, стало чуть грязнее, и значительно мокрее. Но другое сохло на дверце покосившегося шкафа на моем чердаке. Ждать, когда можно будет надеть его, я не стала.

Желудок уже издавал такие звуки, как будто взбунтовался против своей неприспособленной к реальной жизни хозяйки. Скрываться дальше на своем чердаке было нельзя. Нужно было собраться с духом и выйти обратно в комнаты, где обычно обитает колдун. И я очень надеялась, что у меня получится снова так же легко найти кухню, не попавшись при этом никому на глаза.

За те короткие недели, что прошли с момента моего освобождения и до того как я отправилась в заколдованный лес, я уже успела испытать на себе все «прелести» положения отверженной. Отбросов общества. Бывшие подруги спешно переходили на другую сторону улицы и делали вид, что не знают меня. Приятели по академии если и обращали на меня внимания, то только для того, чтобы сделать непристойное предложение.

От меня не отвернулся только Курт. Но его было слишком мало, чтобы перестать чувствовать себя отбросом. К тому же, он тоже принадлежал к ордену Нуаду. И именно он первым предложил мне отправиться к Шаттенхарду, чтобы снять проклятие. Он привел меня к старейшинам, где я узнала, что избавление от проклятия — это был пряник. Кнут мне показали позже.

Да, он не знал, что так обернется. До сих пор пребывал в счастливом неведении, ведь я не решилась сказать, что от меня потребовали его старейшины. Я не винила его, ведь он действительно предложил мне хоть какой-то выход. Но доверять после этого кому бы то ни было расхотелось окончательно.

Так что пустой замок не тяготил меня. Я его почти любила. Потому что ненавидела общество, так легко отвергнувшее меня.

Кухню я нашла — за сутки она никуда не делась, не исчезла, не видоизменилась, не превратилась в помещение для варки ядов. Здесь по-прежнему было более чем достаточно продуктов, поэтому с едой проблем не возникло. Я даже завернула пару бутербродов в салфетки, припрятав в сумке на всякий случай.

Хотела уже возвращаться назад в свое крыло, чтобы поискать комнату для переезда, но остановилась на полпути к лестнице. Хотелось бы сразу разжиться свечами и книгами. И если с первым проблем не возникнет — они были в огромном количестве расставлены в коридорах, то вот со вторым намечались проблемы.

Подумав, что меня не должны убить за то, что я еще раз вошла в малую гостиную, направилась именно туда. Там остался недочитанный трактат по алхимии, и я намеревалась утянуть его к себе на чердак. А еще лучше, выбрать наконец себе нормальную комнату и отдохнуть там. С нигой и без залежей пыли.

— Только бы не наткнуться на Шаттенхарда, только бы не наткнуться на Шаттенхарда. Ну пожалуйста, только не Шаттенхард!

Молилась я не конкретному Богу, а всем и сразу. И, если разобраться, мои молитвы даже были услышаны. Шаттенхарда в зале действительно не было. Зато был его ученик.

Он развалился на кресле, практически утонул в нем, закинув ноги на подлокотник. Не самая удобная поза для чтения, но ему, по всей видимости, было комфортно. Одна рука умудрялась держать книгу и перелистывать страницы, а другая шарилась по журнальному столику, на котором в огромном количестве были расставлены пирожные.

— Ты хоть что-нибудь кроме сладкого ешь? — вырвалось у меня.

— Новенькая, — он взглянул на меня поверх книги и, не меняя позы, отсалютовал свободной рукой. — А ты все еще ничего не ешь, потому что боишься, что здесь все отравлено?

— Ем, — призналась я. — В доказательство могу даже забрать у тебя одно пирожное.

Леон прищурил глаза, посмотрев на меня как на предательницу. Наверное, правило относительно варенья распространялось и на другие сладости. Лучше было не пытаться отобрать их ученика колдуна.

Рассмеявшись из-за такого ревностного отношения к сахару, я подошла к книжным шкафам. Хотелось выбрать сразу несколько книг, чтобы по возможности избегать места, где бывает Шаттенхард.

— Как ты думаешь, меня не убьют за то, что я возьму пару книг с собой? — спросила я у Леона.

— За это вряд ли, — протянул он. — Но вообще я тебе искренне не советую.

— Что? Забирать отсюда книги?

— Запираться в комнате.

— Ну, я...

— Ты боишься, — закончил за меня парень.

— Да, — выдохнула я, признавая очевидное. — Для меня удивительно другое. Почему не боишься ты?

— Ну я ведь тоже колдун, — напомнил он.

Глаза озорно блеснули, а губы растянулись в улыбке. Кажется, он действительно наслаждался своим положением. Или делал вид.

Впрочем, кто я такая, чтобы судить. Возможно, если бы мне не нужно было за год придумать, как уничтожить почти всесильного Шаттенхарда, я бы тоже была менее напряженной.

— Очень советую тебе не закрываться в четырех стенах, а погулять пока есть возможность. Хотя... Судя по твоему виду ты уже успела путешествовать по лесу. Ползком.

Такой прозрачный намек на состояние моего платья не мог остаться незамеченным. Кровь прилила к лицу, и щеки предательски вспыхнули. Было действительно стыдно. Я ведь не крестьянка, чтобы ходить в грязном и даже не обращать на это внимания.

— У меня не так много одежды с собой. А другое платье сейчас сохнет.

Я оправдывалась, хотя не должна была. Позже я наверняка буду прокручивать в голове этот разговор и думать о том, что ответить нужно было иначе. Более дерзко, более независимо. Показать, что его намеки были бестактными. Но в моменте я могла только сгорать со стыда.

— Ты пробовала открывать шкафы в гостевых спальнях?

— Н-нет.

Было бы сложно это сделать, учитывая, что остановилась я не в гостевой спальне.

— Ну так попробуй. Там обычно есть минимальный комплект чистой одежды, включая халаты, костюм для верховой езды, несколько платьев на разные случаи.

— Пожалуй, мне будет комфортнее в своей одежде, — упрямо поджала я губы.

Леон закатив глаза. А затем снова посмотрел на меня с кривой ухмылкой на губах, и сделал замысловатый пасс рукой.

Он даже ничего не говорил, не читал заклинание... А ведь маги из ордена прибегали не только к вербальным формулам, но и проводили сложные обряды для того, чтобы их магия сработала. Леону не потребовалось ничего. Только собственное желание и какой-то жест, который я не смогла разобрать. И одежда на мне начала меняться.

Юбка прилипла к ногам, а лиф пополз в разные стороны, меняя очертания. Было ощущение, что по мне ползают змеи. Но все произошло слишком быстро, чтобы я смогла всерьез испугаться. Уже через пару секунд на мне вместо привычного платья обычной горожанки красовались кожаные штаны, блуза из плотного льна, куртка. Сумка осталась при мне. Она все так же висела на поясе, вот только выглядела куда дороже той, что была у меня раньше.

И все было бы очень даже неплохо, если бы вещи, которые создал Леон, не отличались ужасающей вульгарностью. Штаны обтягивали ноги как вторая кожа, блуза имела весьма нескромный вырез, а кожаная куртка не прикрывала даже талию, не говоря уже обо всем остальном.

Быстро оглядев себя, я спрятала лицо в ладонях, поняв, что сгорать со стыда из-за грязного платья — это были цветочки.

— Верни все как было!

— Не верну, — улыбнулся он. — Мне так больше нравится.

— Это ужасно.

Я чуть не плакала, думая о том, как смогу выйти из замка в таком виде.

— Это практично, — припечатал маг. — Ты забываешь, что ты уже не в Эссинтале*. Здесь действуют другие законы и поверь, гулять по лесу лучше в удобных штанах, а не в платье.

— На личном опыте убедился?

Мой язык меня однажды убьет! Ученик колдуна только что продемонстрировал, что способен на достаточно сильное колдовство, а я как будто специально стараюсь его вывести из себя!

— Хм, — усмехнулся он, выгнув бровь. — Если так хочешь, чтобы я лично сравнил, могу одолжить у тебя оставшееся платье.

Щеки вспыхнули еще ярче, хотя казалось, что дальше уже просто некуда. Я так не смущалась даже когда Курт впервые поцеловал меня... Не думать об этом!

— Не нужно.

— Тогда иди, — повелительно махнул он рукой.

Я уже собиралась взять книги и ретироваться обратно на свой чердак, как услышала, сзади кто-то недовольно щелкнул языком.

— Да не в нору к себе иди, а на улицу. Подыши свежим воздухом, а то умрешь раньше времени и что мне тогда делать?

— Твоя трепетная забота умиляет.

— Я знаю, — сказал он без доли иронии в голосе. — И настоятельно советую тебе ознакомиться с местностью. Вдруг пригодится.

— Зачем?

— Ну мало ли, — пожал плечами ученик колдуна. — Хотя знаешь что, далеко все же не гуляй.

— Я думала лес далеко и не пустит.

— Ты уже его часть, он тебе не угрожает. Начнет выставлять препятствия только в том случае, если попытаешься сбежать.

— Правда?

— Чистейшая, — серьезно кивнул Леон, как будто сем уже пробовал.

Вполне возможно, что так и было.

— Тогда почему?

— В деревню лучше не заходи.

— Здесь есть деревня?!

Леон так буднично говорил о поселении посреди Заубвальта, словно это было что-то самое обыкновенное. Как будто каждый человек предполагает, что сможет найти деревню посреди мрачного леса, из которого на нашу страну то и дело лезет какая-то нечисть.

И как здесь вообще люди выживают. А главное — откуда они берутся?

— Есть. И это явно не та деревня, в которой стоит подходить к незнакомцам. Лучше держись подальше. Если понадобится, сходишь туда со мной.

— Но... почему?

— Подумай, Лиса.

Больше он ничего не сказал, хотя я какое-то время требовательно смотрела на Леона, ожидая продолжения. Но он как будто утратил всякий интерес ко мне, и продолжил читать, не забывая закидывать в рот печенье или пирожное каждые две минуты.

Впрочем, возможно он был прав. Не в том, что нарядил меня непонятно во что. А в том, что мне не нужно закрываться на своем чердаке. Рано или поздно придется выйти. И лучше не давать страху разрастись, иначе потом совладать с ним будет еще сложнее. Так говорил мой отец, а я привыкла ему доверять.

Парадный вход замка я уже видела, хоть и не запомнила толком. Но в целом это была просто стандартная замковая площадь без каких-то особенностей. Небольшой сад, протоптанные тропинки, лес, начинающийся сразу за крепостной стеной.

В одном Леон не соврал. Костюм был действительно удобнее стандартного платья с несколькими юбками. Правда, за этот комфорт приходилось расплачиваться постоянным чувством стыда. Успокаивало только то, что вокруг не было ни одной живой души.

Со стороны замок выглядел еще более внушительно. В моем левом крыле было всего четыре этажа, а вот в других частях высотность иногда доходила до семи этажей. В некоторых окнах поблескивало пламя свечей, которые приходилось зажигать даже днем из-за скудного освещения. Наверное, колдун предпочитает обитать наверху своих башен.

Что здесь, тайфел* побери, происходит? Почему ученик колдуна настолько силен, что играючи создает мне новую одежду? Даже если это иллюзия, она очень качественная. Я не просто видела ее на себе. Я ощущала шероховатость мягкой кожи, легкость льна.

Вспомнился Курт, который считался не самым слабым магом. Вот только его способности не шли ни в какое сравнение со здешними чудесами. Зачастую маги Рантема* не использовали свои силы поодиночке. Существовали коллективные обряды. Даже для того, чтобы создать стандартный холодильный шкаф нужно было, по меньшей мере, десяток магов средней руки. Или около пяти сильных.

Курт не был самым слабым. Но я помнила, как он однажды заставил цветок распуститься зимой, чтобы меня порадовать... а потом долго пытался восстановить силы. Дурак! Мы тогда сильно поссорились, и я обижалась до тех пор, пока он пообещал, что больше не будет делать подобных глупостей ради меня.

Но он все равно попытался. Увы, посмертное проклятие, которое легло на мою семью, было ему неподвластно, даже если бы он отдал все свои магические силы. Он не смог даже толком просканировать меня, определяя масштаб темной магии, окутывающей мою ауру.

Он тогда выпросил у своего отца право на то, чтобы навестить меня в тюрьме. Наверняка за это ему пришлось еще долго расплачиваться с ним. И все равно ничего не смог сде-

лать. Через пару недель, когда окончательно стало понятно, что он бессилен, Курт предложил отправиться к Шаттенхарду.

Если бы меня отпустили без вмешательства ордена Нуаду, который собирался воспользоваться моим положением, побег к Черному колдуну не пришел бы мне в голову. Ну как можно идти прямо в лапы врага, наводящего ужас на половину мира? Это было кошунством. Как добровольно продать душу тайфелу.

Думала ли я о том, что вместо меня сюда может отправиться мама? Конечно, думала.

Когда ей рассказывали план, мне казалось, что вот сейчас она встанет, скажет, что не отдаст свою дочь на растерзание монстру, вызовется пойти в Заубвальт. Так поступил бы любой родитель. И этот поступок, которого я так подсознательно ждала, хоть и не признавалась себе в этом, перечеркнул бы все годы пренебрежения, придирок, несправедливых упреков.

Но идти пришлось мне... Плевать! Главное, чтобы маги сдержали свое слово и не трогали их с Вилли.

Я помнила лицо Курта в тот день, когда он провожал меня в мое самоубийственное путешествие. Он до последнего не знал, что старейшины его ордена угрожают моей семье. Уверял, что позаботится о них. Или пытался так меня успокоить.

Прощались мы в странной обстановке. Его брови были нахмурены, губы плотно сжаты, а темные глаза странно блестели. Он ведь понимал, что мы можем больше никогда не увидеться. Даже не так. Будет чудом, если нам удастся еще раз увидеться после того, как я попаду к колдуну.

Отсутствие свиданий с Куртом в любом случае было меньшим из зол. Дочь предателя очень невыгодная партия. И если какой-то ремесленник может наплевать на дурную славу, то маг из ордена Нуаду — фигура почти политическая. Наши отношения закончились в тот момент, когда в мой дом постучались жандармы. Хотя он упорно делал вид, что это не так. Снова строил из себя дурака, по моему мнению.

— Мы обязательно придумаем, как вытащить тебя оттуда, — сказал Курт, держа меня за руки перед тем, как я села в телегу к извозчику, который должен был отвезти меня в границы Заубвальта.

И я даже в это отчасти верила. В глубине души надеялась, что моя миссия может увенчаться успехом. Пока не увидела, на что способны и колдун, и его странный ученик. Если при первой встрече Леон произвел на меня скорее приятное впечатление, то теперь все выглядело не так однозначно. Казалось, он не тот за кого себя выдает, и явно не так доброжелателен, как показалось вначале.

Была еще одна мысль, но она вызывала холодок, ползущий по позвоночнику, и я быстро отогнала ее, заставив себя любоваться видами.

Все было почти показательно мрачным. Черный камень, сизый туман, клубившийся у корней деревьев, приглушенная зелень леса, равномерный гул, который заставлял внутри что-то вибрировать от напряжения.

Прогуливаясь, я попыталась обойти замок вокруг, но у меня не получилось. Если с одной стороны он был окружен стеной, то с другой его защищал обрыв. По сути, дом колдуна был высечен в скале. И из ее основания, прямо под окнами самой высокой башни, вырывалась вода, падая куда-то далеко вниз.

От этой картины закружилась голова. Но внезапно обнаруженный водопад дал ответы, по крайней мере, на два моих вопроса — откуда в замке свой источник престной воды, и что это был за зловещий гул.

Гулять по территории замка мне быстро надоело, и я решила выйти в лес, благо сегодня ворота не были закрыты. Стараясь не сворачивать с тропинок, я внимательно изучала местность, присматриваясь к травам и грибам, которые здесь росли. Не то чтобы я надеялась отравить колдуна — на это у меня точно не было никаких шансов, — но лучше заранее

познакомиться с местной флорой. Вдруг Шаттенхард все же передумает обеспечивать меня разносолами и придется выживать на подножном корме.

Остановилась я только когда воздух неуловимо изменился. Вроде бы все было почти как обычно, но к стандартному запаху леса прибавились горьковатые нотки. Так пахло от костра, растопленной печи. Деревня, о которой говорил Леон, рядом.

Я напрягла слух, и мне даже показалось, что я слышу далекий отголосок голосов и басовитый мужской смех. Оказывается, я успела отвыкнуть от чьих-то разговоров на фоне всего за три дня.

Было любопытно, но не настолько, чтобы проверять, дельный ли он дал совет не приближаться к ней. Развернувшись, я побрела назад к Черному замку.

Вернувшись, я хотела тихо проскользнуть наверх, но не вышло. В холле у парадной лестницы стоял колдун. По-прежнему закутанный в черный балахон, скрывающий лицо.

Я замерла как вкопанная, оглядываясь по сторонам. Через большую арку было видно малую гостиную, в которой по-прежнему сидел Леон, читая книгу. Он быстро взглянул на меня, но больше ничем не выдал того, что мы знакомы. И не спешил на помощь. Впрочем, возможно она мне и не была нужна.

— Приветствую, Владыка, — поздоровалась я, поклонившись колдуну.

Делать книксен я посчитала неправильным. Я слуга, а не дама на приеме. И кокетничать с Шаттенхардом я точно не собиралась. Моей целью было всего лишь поприветствовать колдуна и как можно быстрее уйти наверх.

Не получилось.

— Стой, — раздался голос Шаттенхарда, когда я сделала шаг в сторону.

Я снова замерла, стараясь даже дышать через раз.

— Ты разбираешься в алхимии?

— Да.

Врать смысла не было. И сам колдун, и Леон видели, как я читала трактат по этой загадочной науке.

— Ты знаешь, что такое аустадер?

— Это зелье, которое повышает выносливость и резервы человеческого организма, Владыка, — ответила я, как будто снова была всего лишь студенткой, а передо мной сидел экзаменатор.

— Хорошо, — в голосе Шаттенхарда послышалась тень улыбки. — Приготовь его.

— Н-но... — на секунду я растерялась, но быстро взяла себя в руки. — Прошу простить меня, Владыка. Я не могу готовить такие зелья, так как не владею магией.

— Здесь сможешь. Общего магического фона хватит даже тебе.

— Что если у меня не получится?

Не то чтобы я хотела его злить своими вопросами. Просто решила заранее подготовиться ко многим вариантам.

Но Шаттенхард не спешил отвечать. Какое-то время он стоял напротив меня, как будто испытывая выдержку. Капюшон слегка качнулся вправо, как будто колдун склонил голову к плечу, изучая меня.

— Мне понадобится твоя кровь, Лисэль Керн. Много. Без этого зелья ты, скорее всего, умрешь. Так что решай, насколько для тебя важно постараться над ним.

В легких застрял воздух. Не думала, что у меня будет ТАК мало времени в этом замке.

— Даю тебе неделю.

Примечание автора:

*** Тайфел — демон, черт, нечистый, местное ругательство**

*** Рантем – государство, в котором происходит действие**

***Эсслинталь — столица Рантема**

Глава 4. Исчезнувшее королевство

Выбор комнаты снова был отложен на неопределенный срок. Не то чтобы мне нравилось находиться на пыльном чердаке, но банально было не до этого. Я сидела на продавленном диване, который был покрыт бурыми пятнами подозрительного происхождения, и в сотый раз просматривала ту самую книгу по алхимии, что я нашла в малой гостиной. Проблема была в том, что автор охватывал только горючие и взрывчатые вещества. Моя специализация... ну, была бы, если бы я доучилась.

Кто-то из моих одноклассников специализировался на ядах, другие на пигментах, кислотах. Алхимия — достаточно широкая сфера для изучения и специальностей хватает. Но зелья — другое дело. Здесь не обойтись без собственного магического резерва. Пусть даже минимальный, но он нужен. Вот только я была лишена магии.

Способности проявляются у детей до десяти лет. Раньше могут. Позже — нет. И исключений не бывает, так что можно было не тешить себя напрасными грезами. Впрочем, я не особо расстраивалась по этому поводу. В семье у меня тоже магов никогда не было, так что шанс получить магические способности был на пару процентов больше нулевого.

— Зато теперь есть. Вот радость-то.

Недовольно пробубнив себе под нос, я захлопнула книгу и, тяжело вздохнув, поднялась. Мышцы затекли и теперь болели, как будто меня всю ночь пинали.

— Ну а не нужно было засыпать прямо на этом старом пыльном диване с книгой в руках, — отругала я себя.

Поза, в которой я проснулась, намекала, что сегодня весь день я буду вспоминать свое решение не тратить время на поиски новой комнаты.

Впрочем, боль в спине и шеи была меньшим из зол. Нужно было действовать. Время, отпущенное мне колдуном, утекало сквозь пальцы, а я не знала, за что хвататься в первую очередь. Наверное, правильным решением было для начала выйти из своего убежища.

Но едва я покинула чердак и спустилась на один лестничный пролет, замерла на ступеньке, не донеся ногу до следующей. Внизу со скучающим видом стоял Леон и смотрел на меня слегка усталым взглядом.

— Объясни мне, почему из всего многообразия комнат ты выбрала единственную нежилую? Это какие-то странные фетиши? Или детские травмы? Ты хочешь поговорить об этом?

— Что?

Не услышать очевидную издевку в голосе было невозможно, но я мало что поняла из его слов.

— Неважно, — отмахнулся он. — Это я пытаюсь найти логику в ночевках на пыльном чердаке.

— Ну... мне там спокойнее, — призналась я, не зная как объяснить простыми словами, что я просто блаженная.

— Спокойнее спать на полу, а не на мягкой кровати? Неужели боишься, что злой и страшный колдун решит навестить тебя ночью? — догадался он.

Мои щеки вспыхнули, но это уже становилось традицией при разговоре с Леоном.

— А как же уверенность в том, что ему для ритуалов нужны девственницы? — он откровенно издевался и даже не скрывал этого. — Не думаешь, что побоится испортить такой ингредиент для своих злодейских зелий?

— Я знаю, что это бред, — обиженно буркнула я. — Если в каких-то ритуалах и упоминается про чистоту, то невинность тут все равно не при чем. Речь скорее о чистоте духовной, доброте, чуткости.

— Какие интересные у тебя познания, — улыбнулся ученик колдуна, медленно приблизившись ко мне и взяв книгу из моих рук. — И откуда интересно эта информация?

От Курта. Это он мне рассказывал, когда уговаривал не ждать до свадьбы. И судя по тону Леона, он догадывался, как я получила эти знания. Но вслух я все равно упрямо сказала:

— Прочитала.

— Разумеется, — усмехнулся Леон. — Ты полна сюрпризов. И знаешь, я буду считать твоё нежелание использовать местный гардероб как особый знак внимания ко мне. Признайся, тебе нравится, когда я трачу свои силы на то, чтобы создать для тебя одежду?

Кажется, я устала краснеть. Интересно, у меня когда-нибудь выработается иммунитет на его выходки? И кстати, он не оговорился. Леон действительно создал для меня тот охотничий костюм. Мое грязное платье я обнаружила в целости и сохранности возле остальных своих вещей.

— Я тебя не просила.

— А представь, что бы я сделал, если б попросила.

Он ухмыльнулся и снова сделал уже знакомый мне пасс. Одежда на мне начала уже заметно меняться, зашуршав и расплываясь по телу. Только в этот раз Леон наколдовал мне не брюки, а платье из фиолетового шелка с тончайшим кружевом на лифе. Даже беглый осмотр позволил понять — вещь дорогая. Раньше я бы такое себе еще могла позволить, сейчас — точно нет.

— Как думаешь, я успел что-то рассмотреть, пока переодевал тебя?

— Ч-то? Но ты ведь только изменил мою одежду! Как ты...

Леон звонко, но как-то не обидно рассмеялся, перебив меня.

— Ты такая забавная, когда злишься.

— Безмерно счастлива, что смогла тебя порадовать, — я прожигала Леона самым своим строгим взглядом, давая понять всю глубину моего презрения.

Он почему-то не проникся.

— Пока ты еще не начала строить планы моего, без сомнения, мучительного убийства, позволь поинтересоваться, почему ты сидишь на чердаке, когда тебе нужно зелье готовить?

Гнев выдохся. Действительно, у меня есть проблемы серьезнее, чем один нахал с плохими шутками. Махнув рукой, я побрела на кухню. Леон увязался за мной.

— Я понятия не имею, с чего начать, — призналась я.

— Ты же знаешь это зелье.

— Только в теории. Магические эликсиры мы не проходили. Я вообще о нем знаю только потому что на дополнительный факультатив ходила. Исключительно теоретический. Без магических способностей такое не приготовить. Мой удел — аптекарь. Ну, так было раньше. А теперь оказалось, что уже нет. И я, если честно, в растерянности. Я не знаю, как готовится это зелье. Доступа к библиотеке у меня нет. Нет ингредиентов, и нет лаборатории.

— А у меня спросить тебе гордость не позволила?

— Разве тебе можно мне помогать? — удивилась я.

— Почему нет? — пожал он плечами. — Никто вроде не запрещал. Я, кажется, уже говорил, что колдун не сумасшедший маньяк и просто так никого не убивает.

— Так ты мне расскажешь, как это делается?

— Лучше, я обеспечу тебя книгами. Признаться, учитель из меня никакой.

— Я почему-то в этом не сомневалась. — закатила я глаза, и пробурчала под нос. — Если колдун такой хороший, почему бы ему просто не дать мне аустадер? Уверена, у него есть запасы всех возможных зелий.

— Наверное, есть, — согласился ученик колдуна. — Но тут такое дело. Зелье в процессе приготовления подстраивается под человека. Чтобы получить максимально сильную для себя субстанцию, нужно готовить его собственноручно. В идеале — из лично собранных ингредиентов. Тогда его сила многократно возрастает.

Чудно. Теперь у меня появился шанс умереть не во время непонятого ритуала с моим участием, а в процессе сбора ингредиентов.

Я думала, что Леон просто отдаст мне книгу и на этом посчитает свои обязанности выполненными. Но после сытного завтрака, который в большинстве цивилизованных обществ считался бы обедом, он потащил меня в библиотеку. Я остановилась возле входа, не смея переступить через порог.

— Но мне ведь запрещено сюда заходить.

— Со мной можно. Так и быть, я прослежу, чтобы ни одна темная книга тебя не сожрала. Спокойнее после его слов не стало.

— И чтобы я не прочитала то, что мне не нужно, — добавила я.

— Не без этого, — кивнул Леон, радуясь моей понятливости.

Тем не менее, нянчиться ученик колдуна со мной не собирался. Он выдал мне книгу, где был описан рецепт, показал стеллаж, где мне предстояло искать дополнительную информацию, если что-то будет непонятно, а сам спешно ретировался в угол, где у окна стояли удобные диванчики. Через пару секунд у него в руках оказалась книга и большая, очень сладкая даже на вид булочка. Казалось, он достал ее из воздуха.

— Как колдун позволяет тебе есть в библиотеке? — удивилась я.

— Он просто знает, что читать без чего-то сладкого — бессмысленная трата времени.

Я снова не поняла его шутку. Но по интонации было похоже, что Шаттенхард вообще не знает о том, что его ученик уплетает жирные булочки над книгами. Это вселяло надежду. Значит, он не вездесущ и что-то от него можно скрывать.

Интересно, насколько Леон предан своему учителю? Он ведь не может не хотеть свободы. Избавиться от угрозы неминуемой смерти. Разумно ли будет пытаться привлечь его на свою сторону?

— Тебя что-то еще интересует?

После этого вопроса я осознала, что продолжаю смотреть на парня практически в упор, не отрываясь. То есть делаю то, что за пределами Заубвальта назвали бы верхом неприличия.

— Да вот, думаю, как тебе удастся есть столько сладкого, и оставаться таким тощим?

— А тебе как?

— Никак. Если я буду есть столько же, сколько и ты, то скоро перестану проходить даже в здешние двери.

— Да? — спросил он без особого интереса, а затем вгрызся в булочку. — Не повезло тебе.

С этим я была согласна. Не повезло. Не из-за особенностей метаболизма, конечно. Он у меня был вполне обычным. А вот попасть в услужение к черному колдуну, который собирался пустить меня на ингредиенты — уже чуть менее стандартная ситуация и больше подходит под определение «не повезло».

Рецепт зелья был не слишком замысловатым. Основа спиртовая, как и у большинства алхимических соединений, ну только если это не высшая трансмутация, для которой нужен алкогест. В качестве растительного компонента нужны были измельченные листья крапивы и масло. А вот дальше было сложнее. Яд шершня и цинковый купорос.

Где их достать? Аптек здесь поблизости нет. Вообще никаких магазинов и мастерских. Мне что неделю ползать по лесу, в надежде на то, что на земле вдруг обнаружится сульфат цинка? Ну да, уже в готовом виде!

Я уже хотела спросить Леона, но когда повернулась, заметила, как на его губах играет слегка глумливая ухмылка. Вроде бы он был поглощен чтением, но хитрый блеск в глазах подсказывал, что за мной он все же наблюдал. И смену выражений на моем лице тоже видел.

Поморщившись от собственного упрямства и лишней гордости, я поплелась к стеллажам, в которых мне можно было искать информацию. Энциклопедии травничества, справочники по геологии, магические свойства трав и животных... Здесь было все.

Правда, провести за учебниками мне пришлось не один час. Я даже академию вспомнила. В какой-то момент в библиотеке появился Шаттенхард. Я смотрела на него, затаив дыхание, но он не обратил на меня никакого внимания. Не больше, чем на Леона, который, к счастью, уже расправился с булочкой и сейчас делал вид ангела, никогда не приносившего жирную еду в библиотеку.

В итоге я решила, что если колдун не испепелил меня за то, что я здесь нахожусь, это уже маленькая победа.

Постепенно я узнала, что крапиву лучше собирать собственноручно. В идеале без перчаток, чтобы обожгло до крови. Масло делать тоже нужно самостоятельно. Хорошо, что его нужна всего пара капель. Спасибо, цинковый купорос самой выпаривать не нужно было. Хотя, учитывая то, где я находилась, скорее всего, придется.

Внезапно на глаза попала книга со странным названием «Флора королевства Оسنэйн». Я нахмурилась. Такого королевства на картах не было. У меня было прекрасное образование, но я первые слышала о подобной стране.

Открыв книгу, я начала листать справочник, понимая, что ничего необычного вроде как нет. Пока не наткнулась на строчку «валлиснерия обильно произрастает у подножья замка Аволир».

Валлиснерию я знала. А что за замок такой?

Аккуратно выглянув из-за стеллажа, я увидела, что ученик колдуна находится в той же позе. Только теперь он, кажется, был поглощен чтением по-настоящему.

А я намеревалась выяснить, что это за неизвестно откуда взявшаяся страна и замок. Не может же это быть заколдованное королевство, как в сказке. А где тогда принцесса в башне, которую охраняет огнедышащий ящер?

Скорее это просто старое название. Книги были Древними. Именно так, с большой буквы. Многие так вообще еще рукописными. Ничего удивительного, что за несколько веков название какого-то государства сменилось.

Но мне нужно было убедиться лично. Всего лишь найти какую-то книгу по истории. Или карту местности. Учитывая размеры библиотеки, такая информация просто обязана была найтись. И она нашлась. Только почему-то понятнее не стало.

Через несколько часов я сидела на полу возле очередного стеллажа, обложившись совсем не теми книгами, что показывал мне Леон, и сравнивала карты мира с тем, что помнила из уроков. Картина получалась интересная.

— Ты в курсе, что сейчас очень нагло воспользовалась моим доверием?

Леон стоял, прислонившись плечом к одному из стеллажей, и смотрел на меня с немым укором.

— Стало интересно, — не собиралась оправдываться я.

— А знаешь, что любопытство кошку сгубило?

— Как хорошо, что я не кошка. Скажи, то, что здесь написано, правда?

Он посмотрел на книгу, которую я держала в руках и как-то странно хмыкнул.

— Я думал, ты романы будешь искать, а ты историей увлекаешься?

— Ты ответишь или нет?

— Правда.

— Но почему?

— Что почему? Почему на месте страны вдруг вырос заколдованный лес? Или почему все жители спешно покинули это место?

— И то и другое.

— Они не уходили. Они все умерли. Были стерты с лица земли вместе со своими домами. Остался только этот замок. Или ты думала, колдун его собственноручно строил?

— Почему... до этого дошло?

Голос слегка охрип. То ли от долгого молчания, то ли от эмоционального потрясения. Если верить найденным книгам, Заубвальт — результат длительной войны магов, в которую вмешались боги. Те самые, которым мы поклоняемся всю жизнь.

— Скажем так, им предложили хорошую цену. Да и сами они не прочь были избавиться от Шаттенхарда. Он быстро набирал популярность и мог составить конкуренцию по количеству паломников. Так что его решили изолировать. А то, что для этого пришлось половину мира перековать — пустяки.

— Он поэтому не выходит из леса?

— Нет, ему просто нравится веками здесь сидеть. Очень закрытая личность, — закатил глаза Леон. — Те, кого ты зовешь Нуаду, Огмой, Лугом, Ингом заключили сделку с масштабным культом. Если я не слишком отстал от жизни, сейчас они называются орденом Нуаду. Вся территорию королевства, которое находилось под управлением Шаттенхарда, выбросили в другое измерение. Как ты понимаешь, бесследно это не прошло. Люди не выдержали, умерев почти мгновенно. Природа изменилась. Кстати, кайринги — результат смещения миров.

Вспомнив огромных монстров с телом волка, большим крысиным хвостом и шипами вдоль позвоночника, я поежилась. В отличие от Теней они выходили из леса часто. Зачастую армия была задействована как раз против них. Если бы не расквартированные воины, деревень возле Заубвальта давно бы не осталось.

И они были не слугами Шаттенхарда, которых он ради забавы натравливает на невинных людей? Еще недавно я бы в это не поверила. Но после того как мне открылось истинное лицо магов ордена, отрицать такую возможность становилось все сложнее.

С другой стороны, библиотека принадлежит колдуну, и верить его источникам информации тоже не стоило. Мало ли, какие книги он специально сюда подложил, чтобы сбить с толку.

— Зато это помогло запереть Шаттенхарда, — сказала я задумчиво, больше чтобы поддержать разговор, чем для того, чтобы обозначить свою позицию.

— Угу, почти.

— Что ты имеешь в виду? Он все же может выйти отсюда?

— Нет. Но поверь, это далеко не все усилия, которые прикладывали для войны с ним. Были еще кое-какие меры. Просто отправить его в другое измерение было бы мало.

Леон снова начал говорить загадками, а я поняла, что мне все это надоело. Я и так потратила большую часть дня на чтение книг, которые мне совсем не нужны. Пора было начинать готовиться к действительно важной задаче — приготовлению зелья, без которого сумасшедший колдун вполне может меня убить.

Меньше всего проблем доставила крапива. По крайней мере, так казалось вначале.

Это растение обильно росло недалеко от крепостной стены и я даже обрадовалась, что не придется ползать полдня по лесу в ее поисках. А вот потом пришло осознание того, что именно мне предстоит сделать.

С сожалением посмотрев на свои руки, я задрала рукава шикарного фиолетового платья, и начала обдирать жгучие листья. Нужно было переодеться во что-то менее роскошное. Но я побоялась, что если сделаю это, Леон снова захочет поэкспериментировать с моим нарядом.

Поначалу было больно. Потом очень больно. Дело осложнялось тем, что мне нужны были не только листья. Мне нужно было пролить на них свою кровь. Поэтому обдирать пришлось долго. До тех пор, пока волдыри на коже не начали лопаться и кровоточить. Только после этого я собрала крапиву в сумку и, кое-как обмотав руки подолом платья, побрела назад.

Хотелось войти в замок с гордо поднятой головой. Я должна была быть девушкой, которая с достоинством проходит через испытания и не боится Шаттенхарда.

Но правда была в том, что по щекам стекали слезы, которые я не могла остановить. Было очень больно и очень жалко себя. Почему я должна проходить через все это? Смогу ли я выжить, когда колдун пустит меня на ингредиенты? И сколько мне удастся прожить после этого?

У меня все же получилось успокоиться, хотя глаза оставались слегка припухшими. О состоянии рук и говорить не стоило. В моей сумке была заживляющая мазь, ведь когда я ее собирала, то отправлялась все же в заколдованный лес, а не на прогулку в ближайшем парке. Но ее было настолько мало, что я не испытывала иллюзий. Заживление будет проходить естественным образом. То есть долго, болезненно, и скорее всего, оставит после себя шрамы.

Но даже скудное количество мази я не смогла использовать сразу. До того, как промыть раны, я начала обрабатывать крапиву, нарезать на мелкие полоски все теми же кровоточащими пальцами, а затем и за ступку взялась, выдавливая конопляное масло. И с этим пришлось возиться еще несколько часов. Возможно, кто-нибудь справился бы быстрее. Но у меня было мало опыта в приготовлении зелий. Да и самое обычное масло я никогда не пробовала делать.

Закончила я с чувством, как будто сейчас свалюсь прямо посреди кухни. Руки дрожали, и контролировать их получалось все хуже. Я понимала, что это не самое ужасное, что могло со мной случиться в замке колдуна. Но мне всегда нравились мои руки. С длинными пальцами музыканта, нежной, светлой кожей, не знавшей мозолей. Теперь об этом можно забыть.

С неуместным оптимизмом я подумала: «хорошо, что здесь нет мамы». Она бы не оставила мои руки без комментариев. Я даже почти слышала ее рассуждения о крестьянских замашках и том, что с такими ужасными руками меня никто замуж не возьмет. Вот она в свои годы делала все, чтобы сберечь красоту и не ленилась как я! Да, угроза смерти от кровопотери не являлась для нее достаточной причиной, чтобы изуродовать себе кожу на руках. Она Наверное посчитала бы, что лучше умереть красивой.

Спрятав свои сокровища из крапивы в сумку, я слегка промыла руки водой, взыв от боли, нахлынувшей с новой силой. Кажется, это была не лучшая идея.

— Да, так только хуже.

Голос, раздавшийся почти над ухом, был настолько неожиданным, что я подскочила на месте.

Леон стоял рядом со мной и, нахмурившись, изучал мои руки. Кажется, он знал, о чем говорил. Скорее всего, тоже прошел через нечто подобное. Может, колдун у всех кровь откачивает, заставляя самим готовить зелье? Я бы не удивилась.

— Я уже поняла, — ответила я дрожащим голосом, а потом нашла в себе силы улыбнуться, поскольку парень выглядел действительно обеспокоенным и даже слегка расстроенным. — Ничего, до свадьбы заживет.

Черную иронию про свадьбу никто не оценил. Леон еще сильнее нахмурился, а затем внезапно шагнул ближе ко мне. Я резко попятилась, ударившись спиной о каменную раковину, где только что промывала свои раны, и наверняка еще как-нибудь травмировалась, если бы парень не придержал меня за талию.

— Боишься? — спросил он, глядя мне в глаза.

Каким же он был высоким! С такого близкого расстояния разница в росте ощущалась особенно сильно. Чтобы не отводить взгляда, потребовалось запрокинуть голову так, что шею начало ломить.

— Немного, — признала я.

На мое откровение он ничего не ответил. Только легко улыбнулся одним уголком губ и, видимо, поняв, что падать я не собирался, убрал руку с моей талии.

Зато тут же подхватил руки, вызвав у меня болезненный стон.

— Потерпи.

Кажется, я впервые слышала, чтобы он разговаривал таким мягким, почти успокаивающим голосом. Даже странно стало. А еще очень жалко себя. Снова.

Кажется, я передумала. Лучше бы здесь была мама. От ее упреков, по крайней мере, я бы точно не заплакала. А от сочувствия во взгляде хотелось разныться как маленький ребенок.

Внезапно рукам стало тепло. Под его ладонями, там, где он касался моей кожи, начало расплзаться золотое свечение. Было ощущение, как будто меня гладят лучики солнца. Так же невесомо, приятно, согревающе.

Когда Леон отпустил мои руки, кожа была в полном порядке. Я смотрела на это и не могла поверить своим глазам. Нет, я знала, что такая магия существует. Но позволить себе пользоваться ей может разве что королевская семья. Ну и сами маги, разумеется. Высшего ранга. До которых Курту примерно как до луны.

И уж тем более целительную магию не стали бы применять в таком пустяковом случае, как ожоги на коже, которые хоть и были болезненны, жизни не угрожали.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не за что, — кивнул парень, возвращая на лицо свое стандартное слегка глумливое выражение. — Видишь, сколько я на тебя сил трачу. Так что ты уж постарайся не умереть через несколько дней, договорились?

Удивительно. Он помог мне, причем уже не один раз. И, кажется, действительно не хотел моей смерти. Но при этом стоял так близко и так нежно держал меня за руки, что захотелось умереть.

Глава 5. Деревня Заубвальта

Немного напрягало то, что испытание крапивой, как могли бы назвать мое вчерашнее приключение в пыточных подвалах, было самой легкой частью в приготовлении Аустадера. Но хуже было другое.

Вчера после того, как Леон меня вылечил, я позорно сбежала, краснея как первокурсница при виде курсанта. И вряд ли меня оправдывает то, что я была всего лишь второкурсницей. Я уже не была той девятнадцатилетней беззаботной девушкой, что пару месяцев назад. Мне пришлось пройти через смерть отца, заключение, крушение всех надежд, резкое понижение социального статуса, смертельное проклятье... Всего и не перечислишь.

Казалось бы, эти события должны были меня закалить. Ну хотя бы настолько, чтобы не заливаться краской когда мужчина берет меня за руки. Тем более с целью лечения!

— Дура ты, Лиса. Какой была, такой и осталась.

С этим неутешительным выводом я приняла делать вид, что совсем не смутилась вчера. Хотя это было сложно. Вчера вечером, зайдя на свой чердак с единственной целью — забрать вещи и переселиться уже наконец в нормальную комнату, я поняла, что Леон уже побывал здесь в мое отсутствие.

Один закуток на чердаке преобразился. Теперь здесь была полноценная кровать со свежим постельным бельем. И с одной стороны мне нужно было быть благодарной за такую заботу. Но с другой, мое полыхающее лицо стало и вовсе цветом как спелый помидор.

Ну что мне мешало просто сразу поселиться в нормальной комнате, чтобы не попадать в такие ситуации? А теперь и уходить отсюда как-то неловко. Все же Леон старался, кровать мне наколдовывал. Нужно выждать хотя бы пару дней.

Нет, все же для моего душевного равновесия будет лучше, если я попытаюсь избегать общества этого парня хотя бы какое-то время.

Тем более в планах было посетить деревню. Ну не совсем. Скорее приглядеться к ней, понять, что за люди там живут. Есть ли у них пасеки... Да, мне все еще нужен был яд шершня. Собственно, спиртом тоже можно попробовать разжиться в деревне.

Спустившись, я услышала, как кто-то гремит посудой на кухне. Вариантов было не много. Колдун, как мне казалось, вообще не нуждался в пище. По крайней мере, я никогда не видела его за трапезой. А вот его ученик предпочитал есть именно на кухне... или в гостиной, или в библиотеке. В целом, где угодно, кроме столовой.

Конечно, от завтрака я бы не отказалась, но встречаться с Леоном по-прежнему не хотелось, и я решила потерпеть пару часов.

Как дойти до деревни я помнила достаточно смутно, но при этом отчетливо осознавала, что она находится не так уж и далеко. Главное — не сворачивать с тропинки. Как я поняла из прочитанных вчера книг, Шаттенхард их контролирует и не позволяет тварям заходить на тропы.

И снова мелькнула мысль о том, что из этого леса не так уж и сложно выбраться. Это реально — колдун сам отправлял меня к родным, так что связь между его лесом и остальным миром есть. Может и просто из леса можно выйти? Или дело как раз в том, что колдун контролирует все тропы? Скорее всего. Увидит, что человек хочет сбежать, и начнет путать дорожки, насыпать мороки, а то и кайрингов приманит.

А что если выбраться из леса не по тропам?

Пока эта мысль слишком пугала меня. Хотя, если бы не моя миссия, я бы, наверное, попробовала сбежать. Но мысленно прикинув варианты, что лучше — умереть на жертвенном столе Шаттенхарда или быть заживо съеденной кайрингом, я поняла, что алтарь все же пока побеждает.

Размышляя о более оптимальном способе смерти я не заметила, как дошла до опушки, за которой уже должны были начаться жилые дома. Как я это поняла? Снова по запаху. Свежее сено, костер, в котором сжигают сушняк с огорода, едва уловимые нотки сдобной выпечки. Последнее было более чем логично — не самостоятельно ведь ученик колдуна булочки печет. Хотя не удивлюсь, если может.

Высовываться было слегка страшно, но необходимо. Впрочем, я не собиралась выходить к людям со словами: «я пришла к вам с миром, меняю шершней на варенье с хозяйской кухни». В моих планах было тихо наблюдать из ближайших кустов. Разведать обстановку, как сказал бы отец.

Удобные кусты нашлись. И деревеньку из них было видно пусть и не как на ладони, но все же достаточно. Я насчитала пятнадцать деревянных, но добротных изб. Это только те, которые были видны. Наверняка их в несколько раз больше.

У каждого дома был небольшой огород, откуда-то доносилось мычание, блеяние, кудахтанье. То есть животных тут тоже одомашнили. Опять же, логично. Откуда бы в замке взялось молоко? Да и другие продукты.

Неужели все эти люди когда-то пришли точно так же наниматься к колдуну, как и я. Тогда почему я живу в замке, а не в этой деревне среди таких же бедолаг? И почему Леон так настоятельно советовал не заходить и не знакомиться с местными?

Увы, ответ на последний вопрос я узнала слишком быстро.

За спиной хрустнула ветка, заставив резко обернуться.

— Ба! Кто у нас тут?

Сиплый голос заправского пьяницы отлично сочетался с внешностью говорившего. Тучный мужик в рваной и грязной одежде имел весьма потрепанный вид. Маленькие глазки, один из которых был уже кем-то подбит, сально оглядывали мое платье.

Ситуация — хуже не придумаешь. Но не будет же он ничего делать так близко к деревне. Верно?

— Лонни, посмотри, какая птишка к нам залетела.

Показался искомый Лонни, который мало чем отличался от первого мужика. Они были неуволимо похожи, как братья, хоть и явно не ими не являлись. Скорее их объединял образ жизни, неопрятный вид, и полное отсутствие любого человеческого сочувствия во взгляде.

— Неужто к колдуну ходила? А чего тогда сидишь в кустах, в деревню не заходишь. Мы бы тебя приветили по-всякому.

Пока Лонни говорил, тот, которого я окрестила первым мужиком, подошел ко мне. Настолько близко, что я почувствовала запах застарелого перегара, пота, кислой капусты и лука.

Начало мутить, но какой-то непонятный ступор не давал ни убежать, ни закричать. Я замерла, как будто передо мной были два хищника, которые могут наброситься от любого движения. Но все инстинкты кричали о том, что они еще хуже.

— Ты погляди, какая тоненькая.

С этими словами первый мужик схватил меня за талию своими огромными грязными руками. И вот тут я отмерла, начав кричать.

— Отстань! Не тронь меня!

— Да не рыпайся, птичка. Мы ж тебе ничего плохого не сделаем, — мерзко улыбнулся он. — Приветим только. Тебе понравится, вот увидишь.

Поняв, о чем он говорит, я закричала уже всерьез.

— Помогите! На помощь!!!

Мужики только рассмеялись. Первый сначала пробовал тащить меня на буксире, но потом ему надоели мои попытки сопротивления и он закинул меня себе на плечо, не забыв шлепнуть по задку, как строптивую лошадь.

Мутить начало с новой силой. Я надрывалась, пытаюсь докричаться хоть до кого-нибудь. Здесь же рядом люди! Деревня, дома. Неужели никто не придет на помощь?

Путь был недолгим. Меня просто оттащили еще на пару сотен метров от деревни, сгрузив на траву. Больше на сальные шутки они не разменивались. По моему телу начали шарить четыре руки, сжимая, шупая, срывая одежду. Я извивалась, визжа, как поросенок на бойне, кусалась, лягалась. Одному из них — без понятия кому именно, — я попала в какое-то, очевидно, уязвимое место. Он охнул, и на секунду выпустил меня из рук. Но ненадолго. Через пару секунд я получила пощечину.

О, это была совсем не та пощечина, что влепила мне мать. Голова качнулась назад, а в глазах потемнело. Если бы я уже не лежала на земле, непременно упала бы. Но я все равно продолжала бороться, хотя они уже разорвали мою юбку, и нижнее белье. Один из них уже развязывал шнурок на штанах, пока другой прижимал к земле мои руки.

Как вдруг все закончилось. Я даже сразу не поняла, что произошло. Продолжила извиваться по земле, не замечая, что меня больше никто не держит. А потом увидела сквозь пелену слез, что мужики стоят на коленях, спиной ко мне, и подвывают от боли.

— Что здесь происходит?

Над ними возвышался Шаттенхард. Все в том же черном балахоне. Из-под капюшона были видны только фиолетовые глаза, которые сегодня как-то особенно злобно горели.

— Ничего, Владыка. Мы тут просто бабу повалить думали. Мы б потом заплатили.

Ответ не очень понравился колдуну. По крайней мере, мужики начали скулить сильнее. Впрочем, из-под капюшона раздавался все такой же до дрожи спокойный голос.

— Кому?

— Что?

— Кому бы вы заплатили?

Ответа не последовало. Возможно потому, что мужики уже не скулили. Они упали на землю, корчась от боли. А ведь колдун даже не читал никаких заклинаний и пассов не делал.

— Ей? Ее жизнь принадлежит мне.

Ну все, меня точно убьют. Если не эти мужики, то Шаттенхард.

— Как и ваша, — добавил он.

А вот теперь он сделал один сложный пасс рукой, затянутой в черную перчатку. Мне показалось, что слышу едва уловимый шепот, доносящийся из-под капюшона.

— Отвернись.

Я не сразу поняла, что это было адресовано мне. А когда поняла, все равно не стала повиноваться. Мужики закричали. Их кожа вздувалась волдырями, а затем слезала прямо у меня на глазах. Плоть как будто начала гнить, причем за считанные секунды.

Около минуты на поляне стоял нечеловеческий крик, а затем все стихло.

Нет, они все еще корчились, просто кричать уже не могли. Это продолжалось еще несколько минут, пока от мужиков не остались только кучки гниющего мяса, по которым невозможно было определить, что когда-то это было человеком.

Я смотрела на все это с каким-то особым удовольствием. Хоть и задыхалась от ужаса. Только когда магия перестала подрагивать на телах, я отвела взгляд. И согнулась в рвотном позыве.

Хорошо, что меня вырвало не на колдуна.

Это была последняя здравая мысль перед тем, как я отключилась.

В себя я приходила долго, отрывками. Перед глазами мелькали образы, но полностью очнуться не получалось. А когда удалось, я подскочила, начав по инерции отползать назад.

Я не сразу поняла, где нахожусь. Но ясно было одно — я уже не в лесу, а в замке, в какой-то очень просторной комнате лежу на кровати, причем даже заботливо укрыта одеялом. Была. Пока не начала в панике пытаться вжаться в изголовье.

— Очнулась!

Чей-то голос, раздавшийся с другого конца комнаты, заставил еще раз подскочить. А все потому, что он был мне незнаком. Еще бы. Раньше я здесь женских голосов не слышала.

— К-кто ты?

Голос скрипел как несмазанная телега, а горло болело. Я скорее хрипела, чем говорила.

Сорвала голос, когда кричала.

Зря я об этом подумала. Одна мысль цеплялась за другую и перед глазами снова стояла недавняя сцена.

— Я Берта, — сказала девушка, как будто это что-то должно было мне объяснить. — Господин сказал, что тебе понадобится помощь.

— Господин?

Вместо ответа девушка улыбнулась и протянула мне стакан воды. Я приняла его дрожащими пальцами и начала жадно пить.

Оказывается, меня ужасно мучила жажда. И только когда я ее утолила, смогла рассмотреть девушку передо мной.

Она была красива. Темные волосы, глубокие карие глаза, взгляд с поволокой, а фигура под достаточно простым платьем была такой, что все столичные модницы удавились бы от зависти.

— Ты в порядке? — спросила она, и грустно вздохнула. — Конечно, нет. Такое пережить непросто.

Берта явно сочувствовала мне, но я не особо прониклась.

— Ты живешь в деревне?

— Да, — согласно кивнула она. — Ты только не переживай. Господин тех двоих уже убил, — сказала она с таким спокойным видом, словно это было в порядке вещей. — Туда им и дорога. Вот бы еще к ним Хинрича отправить. И Бера, и...

Девушка делилась списком имен, которые просились в список палача, а у меня волосы вставали дыбом.

— Что-то многовато.

— Ну а как иначе, — пожала она плечами. — Деревня у нас такая. Непокойная. Кто ж еще будет к колдуну на службу наниматься? Чаще всего душегубы разные.

— А ты?

— А я тут родилась. Местная. Под защитой семьи нахожусь. Другие девушки тоже либо замуж повыскакивали, чтобы в обиду не давали, либо сами не прочь погулять да подзаработать. Но это редкость, конечно.

— Целая деревня... Почему никто не пришел?

— Когда ты кричала? — сразу поняла Берта и грустно посмотрела на меня своими огромными глазами. — Не принято у нас. Тех, кто под защитой находятся и так не трогают. А с остальными право сильного действует. Живем как можем.

Было видно, что она пытается оправдываться. Наверное, здешние порядки ее тоже не особо устраивают.

— В последнее время тихо было. Девушки сюда редко сами по себе приходят. Я и не помню, когда в последний раз такое было. Тебя вон господин пожалел, в замке жить оставил. Ты больше одна не ходи.

— Не буду.

Это я могла ей пообещать с чистой совестью. В жизни к этой проклятой деревне не приближусь.

— Хотя тебя теперь никто не посмеет тронуть. Господин очень осерчал.

Еще бы! Такой материал для его экспериментов пропадает. Но эта совсем еще юная девушка с загорелым круглым лицом, кажется, не понимала мотивов своего хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.